

Борисова Анастасия Сергеевна

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В ЯПОНСКИХ ПЕРЕВОДАХ КНИГИ ПСАЛТИРЬ

Статья посвящена концептуальной метафоре в японском переводе Псалтири на основе текстов двух современных переводов Библии на японский язык. Основное внимание уделяется семантическому наполнению концептуальной метафоры, контексту использования и интерпретации тропа в оригинале, а также адекватности его отображения средствами японского языка. Главный предмет рассмотрения - влияние религиозно-культурного дискурса на язык, средства художественной выразительности и идиоматику.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/12-3/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12(54): в 4-х ч. Ч. III. С. 39-41. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

THE MANIFESTATION OF INTERLINGUAL INTERFERENCE IN THE LEXICAL-GRAMMATICAL ERRORS OF THE STUDENTS FROM THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA IN THE ENGLISH DIALOGIC SPEECH

Bozhik Svyatoslava Lyubomirovna
Saint Petersburg State University
svyatoslava@yahoo.com

The article deals with the lexical and grammatical errors in the speech utterances of the students from the People's Republic of China, occurring in process of the dialogical speech teaching in the English language. The appearance of such errors is the result of the interlingual interference, therefore they are studied by means of the comparative analysis of the English and Chinese languages and help identify the difficult for mastering language material for the students.

Key words and phrases: interlingual interference; speech utterances; grammatical errors; lexical errors; dialogic speech; students from the People's Republic of China.

УДК 821.521

Филологические науки

Статья посвящена концептуальной метафоре в японском переводе Псалтири на основе текстов двух современных переводов Библии на японский язык. Основное внимание уделяется семантическому наполнению концептуальной метафоры, контексту использования и интерпретации тропа в оригинале, а также адекватности его отображения средствами японского языка. Главный предмет рассмотрения – влияние религиозно-культурного дискурса на язык, средства художественной выразительности и идиоматику.

Ключевые слова и фразы: Псалтирь; религия; перевод на японский язык; переводоведение; концептуальная метафора; семантика; идиоматика.

Борисова Анастасия Сергеевна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
alainn_y_farddes@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В ЯПОНСКИХ ПЕРЕВОДАХ КНИГИ ПСАЛТИРЬ[©]

Современная когнитивная наука о языке рассматривает метафору как когнитивный механизм, устанавливающий связи между различными смысловыми полями. Согласно концептуальной теории метафоры, метафора – это «понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида» [9, p. 5]. Дж. Лакофф и М. Джонсон выделяют концептуальную метафору как взаимодействие двух когнитивных структур или областей – *области источника* (source domain) и *области цели* (target domain). Область цели структурируется по подобию области источника, т.е. между ними устанавливаются *метафорические проекции* (metaphorical mappings). Различные аспекты структуры события, а именно – состояния, изменения, процессы, действия, причины, способы, основные характеристики, направления движения, когнитивно характеризуются через метафору в терминах пространства, движения и силы [7, p. 204]. Метафорические проекции могут быть организованы в иерархические структуры. Дж. Лакофф выделяет три уровня иерархии метафоры структуры события и иллюстрирует это на примере метафоры ПУТЕШЕСТВИЯ:

Уровень 1: Метафора структуры события.

Уровень 2: ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННАЯ ЖИЗНЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ.

Уровень 3: ЛЮБОВЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ; КАРЬЕРА – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ [8, p. 210].

Предполагается, что Уровень 3 предполагает метафорическое осмысление событий, представляющих особую важность для жизни человека или общества, а также важнейших глобальных процессов. Согласно Дж. Лакоффу, состояния обычно определяются в семантическом домене места, способы – в домене пути, причины – как движущие силы, затруднения – как препятствия движению [8, p. 214-220].

Многие из широко употребляемых в современных культурных и общественно-политических дискурсах концептуальных метафор впервые появились именно в библейских текстах, и в Книге Псалтирь, задачей которой было поэтическое изложение догматов, концептуальные метафоры широко использовались с целью создания понятных и объёмных образов важных концептов дискурса с помощью хорошо знакомых слушателям и читателям фреймов. Слова А. П. Чудинова о политической метафоре: «...метафора превратилась в одно из наиболее сильных средств представления политических концепций и воздействия на политическое сознание общества» [3, с. 122] – вполне применимы и в историческом контексте к использованию метафоры в религиозной поэзии и проповеди и в целом в целях воздействия на религиозное сознание.

В данной статье будет рассмотрено несколько ярких примеров концептуальной метафоры в псалмической поэзии, описывающих как концепт Бога, так и представление о жизни, а также будет проведён анализ их отображения в двух современных японских переводах Библии. Более старый из них – «Когояку Сэйсё»

(«Библия на разговорном языке») [1] – был выполнен коллективом переводчиков во главе с Цуру Сэндзи и закончен в 1958 году, предназначался для богослужебного употребления и отличался буквализмом и вниманием к деталям, но при этом был малопонятен большинству японцев, незнакомых с Библией. Второй перевод был выполнен Международным библейским обществом в 1977 году [2] с научно-популярной целью, он богат пояснениями и легче для восприятия, но в нём много искажений смысла.

Метафоры, связанные с понятием Божества, как уже было сказано выше, являются самыми важными в тексте; как утверждал исследователь языка и образности Библии Дж. Кеэрд, все или почти все, что относится в Библии к Богу, – это метафора [5, р. 18]. Концептуальные метафоры должны емко и четко обозначить основные атрибуты Бога, важные для понимания верующих, – могущество, власть, управление, а также основные функции: дающий жизнь, подающий блага, приносящий политическую мощь и военные победы. Именно поэтому чаще всего Бог сравнивается с правителем, а его атрибуты, соответственно, – с атрибутами царской власти (частные случаи такого сопоставления уже приводились в разделе, посвященном онтологическим метафорам). Часто Бог сопоставляется с воином, обороняющим верующего и сокрушающим его врагов.

Изображение Бога в виде царя, судии и воителя уходит корнями в общую ближневосточную традицию описания верховных божеств: древнеегипетский Хор выступает в роли воина, мстителя и защитника, царя и покровителя земных царей, а также судьи и покровителя справедливости; вавилонский Мардук является царём богов, воином-сокрушителем богов первобытного хаоса и олицетворением закона и справедливого суда. Эпитеты, описывающие Мардука, очень близки к библейским эпитетам Яхве: «владыка стран» (*bel matati*), «великий царь неба и земли» (*belu rabu samu u erseti*), «царь богов» (*sar ili*). Т. Осима, приводящий эти эпитеты в своей работе, посвящённой культу Мардука, отмечает их шумерское происхождение и находит им прямые аналогии в эпитетах шумерских богов Ану и Энлиля [10], так что их можно считать и следами шумерской теологии и гимнографии в древнесемитских религиозных текстах.

В Книге Псалтирь почти в каждом псалме встречаются какие-то случаи концептуальной метафоры «Бог-царь-судия-воитель». Если говорить непосредственно о царском титуле и прямых атрибутах правителя, Бог прямо называется царём и владыкой, правителем царства.

В обеих версиях перевода для обозначения понятия «царь» используется одно и то же слово «*о:/кими*» («царь, король»), обозначающее монарха вообще, а также племенных вождей и правителей удельных царств (например, древнекитайских). Выбор можно назвать удачным из-за нейтральности и широкого диапазона значений слова, не закреплённого за какими-то специфическими дальневосточными реалиями, в отличие, к примеру, от титулов японских и китайских императоров. Древнееврейские цари также обозначались по-японски именно этим словом.

Небесное жилище Бога называется чертогом и престолом. В переводе МБО как более нейтральном градус сакральности ниже, чем в богослужебном «Когояку», – метафора чертога вообще вычеркнута и заменена на прямое обозначение «небеса», престол переведён буквально. Напротив, в «Когояку» оба слова подчёркнуто сакральные и связаны одновременно как с синтоистским религиозным культом, так и с жилищами японских императоров: дворец переведён как *мия* – «святилище» или «императорский дворец», слово *микура* обозначает как трон, так и часть святилища, предназначенную для хранения священных предметов. Выбор слов в «Когояку» был бы очень удачным, т.к. он совмещает в себе и религиозные, и государственные смыслы, но эти слова слишком тесно связаны с сугубо японскими реалиями и придают библейскому Богу языческий синтоистский колорит.

Древние цари Ближнего Востока символизировали правосудие и выступали как верховные справедливые судьи, получая этот атрибут от носителя небесной справедливости – верховного божества пантеона. Библейский Бог как олицетворяет небесное правосудие, так и сравнивается с царем – верховным судьей.

В обоих переводах использованы вполне адекватные юридические термины, имеющие отношение к судопроизводству; следует отметить, что в «Когояку» выбор лексики и грамматических конструкций более архаичный. Однако под вопросом стоит действительно метафорическое понимание этих эпитетов: в своей оригинальной форме в архаической ближневосточной гимнографии они понимались буквально, как конкретные атрибуты верховного божества и только с развитием символизации в монотеистической традиции стали интерпретироваться в более условном ключе (и именно в такой интерпретации с ними имели дело японцы). Если посмотреть на отражение концепта правосудия как в дальневосточных, так и в мировых религиях, божественный суд и небесное правосудие присутствуют главным образом в авраамической традиции, а среди учений, возникших или получивших распространение в Японии, справедливость имеет особую важность лишь в конфуцианстве.

Вместе с тем, стоит особо отметить абсолютно различный подход к понятию справедливости в авраамических религиях и дальневосточных учениях: библейские суд и справедливость – главным образом, наказание за отступление от божественных законов. Напротив, в конфуцианстве акцент смещён на следование долгу и соблюдение гармонии – понятие 義 (ит. *и*, яп. *ги*) «долг, справедливость» по смыслу ближе к «праведности», чем к «правосудию», и долг правителя в первую очередь – гуманное поддержание порядка и стабильности в обществе [11], и император не выступает как отрешённое карающее правосудие. В буддизме же понятие справедливости почти полностью заменено кармическим воздаянием – естественными последствиями поступков, а не небесной карой, и долг правителя многим буддийским мыслителям представляется предотвращением злодеяний, а не наказанием за них [6]. Современный теоретик японского буддизма М. Абэ, чьи многочисленные публикации и выступления посвящены диалогу с авраамическими религиями, критикует насильственную модель библейского правосудия, считая, что за жёстким наказанием всегда последует контрудар [4]. В синтоизме как учении более практическом и архаическом понятие небесного правосудия почти отсутствует, а соблюдение законов главным образом касалось чистоты ритуала и отношений внутри земледельческой общины.

Можно заключить, что для японских читателей Библии суд и наказание за грехи – скорее отличительные атрибуты библейского Бога, чем метафорическое олицетворение справедливости. В японском переводе Бог в целом описывается скорее буквально и антропоморфно, чем символически, что, с одной стороны, приближает образ к национальному восприятию, а с другой, – несколько размывает смысл оригинала.

Посвященные теме воздаяния и заповедей стихи вполне вписываются в эту картину, за исключением того, что в переводе «Когояку» встречаются конфуцианские и буддийские термины в тех местах, где можно сблизить библейский дискурс с распространёнными в Японии учениями: соблюдение религиозных заповедей и жизнь по заповеданным свыше законам вполне вписывается в понятие *gi* («праведность»), и заповеди библейского Бога с оговорками можно сравнить с *имасимэ* («заповедями») – предписаниями Будды. Переводчики из МБО, напротив, предпочли более светский перевод, лишь доносящий основной смысл стиха без сложных религиозных аллюзий.

Ещё одна ипостась Бога как могучего вождя, метафорическое обозначение как мощи, так и воздаяния, – грозный воитель, помогающий верующим и сокрушающий неправедных. Все верховные божества ближневосточных пантеонов – воины, побеждающие хаотических богов и демонов, а также поддерживающие царей в военных походах. Тексты большинства псалмов уже в период монотеизма изначально, помимо религиозного, имели ещё и политическое значение (японцу, особенно в древности, было невозможно видеть разницу этих двух сфер культуры) – пропаганда и подъём боевого духа в войнах с соседними племенами, – так что важно было подчеркнуть, что Божество стоит на страже поклоняющихся ему и оправдывает войны со сторонниками других, «ложных» божеств.

Особых проблем с переводом «военных» метафор не возникло, и они сохранены почти везде, в переводе использована современная и архаичная военная лексика. Эта ипостась Бога, вероятно, оказалась ближе всего для японцев, потому что понимание верховного божества как воина – одно из самых древних; воинская атрибутика свойственна многим синтоистским божествам, к примеру, Аматаэрасу Омиками и Сусаноо-но микото, образы которых неоднократно использовались в политической пропаганде первой половины XX века. Японские императоры, начиная с легендарного Дзимму-тэнно, также выступали в роли покорителей и завоевателей, и как общенародно почитаемые, так и родовые *ками* (божества, духи) оказывали им в этом поддержку; император Одзин, прославившийся успешными завоевательными кампаниями, позднее почитался как бог войны Хатима, покровительствовавший воинам и направлявший их.

Подводя итог, можно сказать, что концептуальные метафоры, визуализирующие абстрактные понятия, переведены успешно на первый взгляд, но под вопросом остаётся их метафорическое прочтение. Хотя бы из того, что естественнее всего в переводе выглядят атрибуты Бога, свойственные и синтоистским божествам, можно предположить, что японский перевод отдалён от трансцендентного, абстрактного понятия Бога и описывает архаичную версию Яхве, общую для всех верховных богов ближневосточных пантеонов, где все атрибуты, эпитеты и качества – не метафорические обозначения, а буквально понимаемые свойства божества (воин, судья и т.д.).

Список литературы

1. Текст перевода «Когояку Сэйсё» [Электронный ресурс]. URL: <http://bible.salterrae.net/kougo/html/psalms.html> (дата обращения: 20.08.2015).
2. Текст перевода МБО [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bible.com/ru/bible/83/psa.1.jlb> (дата обращения: 20.08.2015).
3. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. 4-е изд.-е. М.: Флинта; Наука, 2012. 254 с.
4. Abe M. The Impact of Dialogue with Christianity of My Self-Understanding as a Buddhist // *Buddhist-Christian Studies*. 1989. Vol. 9. P. 63-70.
5. Caird G. B. *The Language and Imagery of the Bible*. London: Duckworth Publishing, 1980. 280 p.
6. King W. L. Judeo-Christian and Buddhist Justice // *Journal of Buddhist Ethics*. 1995. Vol. 2. P. 67-82.
7. Kövecses Z. *Metaphor: A Practical Introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2002. 285 p.
8. Lakoff G. *The Contemporary Theory of Metaphor* // *Metaphor and Thought* / ed. A. Ortony. Cambridge University Press, 1993. Vol. 2. P. 202-251.
9. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 276 p.
10. Oshima T. Babylonian Prayers to Marduk // *Orientalische Religionen in der Antike*. Tübingen: Mohr Siebeck, 2011. Vol. 7. 438 p.
11. Tucker J. Japanese Confucian Philosophy [Электронный ресурс] // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. URL: <http://plato.stanford.edu/archives/fall2013/entries/japanese-confucian/> (дата обращения: 10.08.2015).

A CONCEPTUAL METAPHOR IN JAPANESE TRANSLATIONS OF THE BOOK OF PSALTER

Borisova Anastasiya Sergeevna
Lomonosov Moscow State University
alainn_y_farddes@mail.ru

The article is devoted to a conceptual metaphor in the Japanese translation of the Book of Psalter based on the texts of two contemporary translations of the Bible into the Japanese language. Special attention is paid to the semantic content of a conceptual metaphor, the context of usage and interpretation of trope in the original, and also adequacy of its reflection by means of the Japanese language. The main subject of investigation is the impact of a religious and cultural discourse on language, features of artistic expressiveness and idioms.

Key words and phrases: the Book of Psalter; religion; translation into the Japanese language; translation studies; conceptual metaphor; semantics; idioms.